

Дин Тянь решил провести ревизию своего домашнего хозяйства и подсчитать накопления.

Наличного серебра набралось пятьсот шестьдесят восемь лянов. Главной ценностью была крупная ассигнация — банковский билет номиналом в тысячу лянов. Мелкого серебряного лома нашлось от силы лянов десять. Что до медных монет, то их оказалось ровно восемь тысяч: связанные в связки по тысяче штук, они составляли аккурат восемь гуаней. Кроме того, по углам да карманам набралось ещё около восьмисот разрозненных медяков — его карманные деньги.

Впрочем, тратить их было особо негде. Деревенскую лавку держал его второй дядя, так что за масло, соль, соевый соус, уксус и чай платить не приходилось. Всякой швейной мелочью вроде иголок да ниток ведали вторая и третья тётушки. Сам же Дин Тянь все эти три года соблюдал траур по родителям, из дому почти не выходил и нужды ни в чём не испытывал. Неудивительно, что за это время у него скопилась весьма приличная сумма.

Кроме того, после расторжения помолвки несостоявшиеся родственники вернули часть подарков. Отрезы шёлка Дин Тянь, недолго думая, отдал тётушкам — пусть шьют наряды или пускают на вышивку для продажи, ему без разницы. Всё равно шёлк от долгого хранения блекнет: натуральные красители особой стойкостью не отличались. Да и держать в доме вещи, напоминающие о столь досадном событии, не хотелось. Проще было сбыть их с рук с глаз долой.

Зато в сундуках лежали десять рулонов хлопчатобумажного набивного батика, десять рулонов простой рогожи, пять — тонкого льняного полотна и два рулона тончайшего хлопка. Дин Тянь твёрдо решил пустить всё это в дело за ближайший год: ткани не терпят долгого лежания, со временем они ветшают и начинают гнить.

Нашлось и более полусотни цзиней хлопковой ваты. Когда-то её припасли для пошива свадебных одеял, но теперь Дин Тянь достал её из закровов, намереваясь пустить на нужные вещи.

Закрома его ломились от зерна. Там хранилось пятьсот цзиней неочищенного риса, десять даней чумизы, три даня гаоляна, а также уже обмолоченные запасы: восемьдесят цзиней отборного белого риса, сто двадцать цзиней пшена и пятьдесят цзиней гаоляновой крупы.

В кухне тоже имелись припасы: полная кадка риса — около двадцати-тридцати цзиней, полкадки пшена — чуть больше десяти цзиней, и ещё одна доверху наполненная кадка с гаоляновой крупой весом под тридцать цзиней.

Нужды в еде семья явно не испытывала. Тем более теперь, когда Дин Тянь остался совсем один: сколько может съесть один человек? Ему этих запасов хватило бы на годы. К тому же в последние два года, пока страна оправлялась от недавней смуты, цены на хлеб держались на высоком уровне. Дин Тянь решил дожидаться удобного момента и распродать излишки: зерно ведь тоже товар скоропортящийся, долго хранить его нельзя.

Отдельного упоминания заслуживал сам дом. Добротный, выстроенный из серого кирпича и покрытый черепицей — для деревни жилище просто роскошное, однако искущённому взору Дин Тяня оно казалось несовершенным. Сам он тосковал по просторным северным усадьбам-сыхюаням с широкими тёплыми канами, стеклянными окнами и глухими высокими стенами, надёжно укрывающими двор от чужих глаз. В той, прошлой жизни, у него в загородном доме был и современный водопровод с канализацией, и тёплый туалет со смывом... Эх, теперь о таких благах цивилизации оставалось только мечтать.

Семейный скот — два быка — временно находился на попечении у второго и третьего дяди. Дин Тянь находил это крайне удобным, поскольку ухаживать за тягловыми животными совершенно не умел. Свинью он, пожалуй, выкормить бы смог, но эту скотину как раз пришла пора колоть на мясо. Что касается кур, уток да гусей — судя по воспоминаниям прежнего хозяина тела, заботливые тётушки и так исправно снабжали его свежими яйцами и птицей. Вся пашня была сдана в аренду, так что крестьянскими заботами голова у него не болела.

Оглядев свои владения ещё раз, Дин Тянь принялся собирать одежду и постельные принадлежности. Ему следовало отправиться в уездный город и разведать обстановку. Как-никак, он числился на государственной службе — своего рода чиновник, хоть и самый мелкий. Траур подошёл к концу, и после трёхлетнего перерыва пора возвращаться к обязанностям.

Память подсказывала, что главному тюремщику полагалось жалованье. Крошечное, всего два ляна серебра в месяц, да ещё под Новый год выдавали тушу откормленного кабана. Простые тюремные стражники получали и того меньше — по ляну серебра, чего в уездном городе едва хватало, чтобы прокормить семью. Зато служба давала весомые привилегии: освобождение от трудовой повинности и налоговые льготы. Если площадь пахотных земель служивого не превышала пятидесяти му, налог с них не взимался вовсе. По штату уездному суду полагался один главный тюремщик и восемь тюремных стражников. На деле же уездный судья никогда не держал полный штат ради экономии казны, обходясь лишь главным тюремщиком да четырьмя тюремными стражниками.

И пусть официальное жалованье было копеечным, все отлично понимали: тюрьма — место прибыльное, и теневых доходов там всегда хватало в избытке.